

тую я нёс за её систематический выход. Ведь я был тогда председателем совета пионерского отряда. Так, по-моему, называлась эта выборная должность.

После прочтения «Наполеона» я заинтересовался французской исторической литературой, но до войны мог купить и прочитать только роман В. Гюго «Девяносто третий».

Здесь можно и остановить воспоминания о детских годах книжного собирательства, так как в тот момент прервалось не только оно, но и закончилось детство.

Не книжные годы

После отъезда из Харькова наш состав, воински — эшелон, вместо Ташкента в первых числах октября 1941 года прибыл в город Тулу, где и должен был развёрнут наш эвакуогоспиталь. Примерно в течение десяти дней было найдено в городе здание, подходящее для медицинского учреждения хирургического направления, и работники госпиталя, в т. ч. и я, начали перевозить из вагонов, которые стояли всё это время на запасных путях тульской станции, и в которых мы жили, кровати, столы и другое оборудование, необходимое для работы госпиталя.

Когда всё это было сделано и можно было принять раненых, наступило 16 октября — день серьёзного ухудшения положения на подмосковных фронтах, и нам поступило новое указание — вернуть срочно всё имущество в вагоны и отправляться в Саратов, что и

было выполнено. Хотя Тула оказалась для фашистов неприступной, но хорошо помню ужасные по своей интенсивности и последствиям почти непрерывные бомбёжки города. То, что нам пришлось пережить в Харькове по такому же поводу, показалось мне просто игрой. Наш эшелон, следующий в Саратов, ещё, наверное, в течение суток подвергался прицельному бомбардированию, но, слава Богу, без последствий.

По прибытию в Саратов в последних числах октября нас уже ждало здание для размещения госпиталя и адреса квартир, комнат, куда нас насильственно подсаляли к саратовским жителям. Тут, наконец, госпиталь заработал спустя почти два месяца после окончания работы в Харькове. Я получил возможность пробовать свои способности в области библиотечного дела. Надо сказать при этом, что книг не было. Их нужно собрать, найти у людей нашего общения. Я, естественно, сразу отдал своего Лермонтова и «Гиперболоид инженера Гарина», какие-то книги (не помню сейчас какие) мне удалось взять у хозяев квартиры, где мы жили. Несколько работников госпиталя, практически случайно взявших с собой книги, также отдали их в библиотеку.

По воле случая наше саратовское жилище находилось недалеко от областной библиотеки, и я отправился туда в надежде выпросить у них книги, которые они могли бы без ущерба отдать госпиталю. Переговоры были удачными, и несколько десятков книг, в основном русских классиков, нам в официальном порядке передали. На этом и кончилась моя книжная карьера 1941 года.

В декабре я ушёл из госпиталя. Для продолжения учёбы я поступил в Саратовский авиационный техникум. Однако, к окончанию второго полугодия, весной 1942 года, произошёл прорыв немцев на южном направлении, под угрозой оказался и Саратов, немецкие самолёты уже посещали небо над городом. Техникум, не закончив учебного года, стал готовиться к эвакуации.

В июне-июле 1942 года мои родители нашли меня в Саратове. Они были эвакуированы из Харькова всего на несколько дней позднее меня и попали в один из районных центров Сталинградской области, т. е. недалеко от Саратова. Так в дни Сталинградского сражения пришлось эвакуироваться вновь. На этот раз нас позвала к себе сестра матери, которая жила и работала адвокатом в одном из районов Челябинской области, т. е. на Урале. Таким образом, наше невольное перемещение на восток прошло по маршруту — Украина, Поволжье, Урал. В августе мы прибыли в этот небольшой то ли посёлок, то ли городок под названием Миньяр. В нём до войны находился небольшой метизный завод, который делал проволоку и гвозди. В результате перемещения промышленных предприятий в восточные районы на территорию этого завода прибыли ещё два металлургических производства с Украины.

Мне уже исполнилось 16 лет, и я мог идти работать. Естественно, что наиболее вероятным местом для этого в небольшом городке был завод, на котором в связи со значительным расширением производства осуществлялось масштабное строительство. Стоит

ещё раз отметить, что на территорию завода и цеха небольшого уральского завода были перебазированы два украинских завода (если память мне не изменяет, из Днепропетровска) родственного профиля и строительная организация из Ленинграда. Рабочих остро не хватало. Меня охотно взяли учеником подсобного рабочего в волочильный цех горячего проката, но я не выдержал поистине горячего характера цеха, в котором металлические бруски превращали в проволоку. Меня перевели на стройку, где некоторое время я работал электромонтёром. Устанавливал электропроводку в строящемся цехе. Однако к концу года меня вызвал к себе народный судья участка, который располагался в городке.

Судья меня знал, так как мой отец уже работал при этом суде адвокатом. Мне предложили перейти в суд на должность судебного исполнителя. Всего в суде, кроме уборщицы, полагалось 4 должности: судья, судебный исполнитель, секретарь суда и секретарь судебного заседания. В этот период судья работал один. Остальных работников не было из-за исключительно низкой оплаты труда. Например, секретарь судебного заседания получал месячную зарплату, на которую можно было купить половину буханки чёрного хлеба (разумеется, не по карточкам). Каким-то образом судья договорился с начальством, и ему разрешили взять меня на две должности, и, так как должность судебного исполнителя была наиболее оплачиваемой (три четверти буханки чёрного хлеба), то меня назначили именно на неё. Трудность перехода с завода в суд заключалась, также, в замене хлебной карточки

рабочего (800 граммов в день) на карточку служащего (600 граммов в день). Да, именно уменьшение дневного рациона на 200 грамм хлеба было весьма существенным. Ведь никакой другой еды практически не было. Это был Урал, один из наиболее голодных регионов страны в военное время. Горы и скалы не представляли удобную и плодотворную почву для сельскохозяйственного возделывания. Тем не менее, меня убедили перейти, аргументируя возможностью обрести на этом пути юридическую специальность. Когда я начал работать в качестве судебного исполнителя, в делах суда было несколько исполнительных листов, не доведённых до законного решения. С этого я и начал свою работу.

Среди этих листов оказался лист по взысканию какого-то имущества с жительницы городка по гражданскому спору. Как только я взялся за его исполнение, мне последовал телефонный звонок секретаря комитета комсомола завода с настоятельной просьбой не давать хода этому исполнительному производству. Дело оказалось в том, что ответчица была какой-то родственницей секретарю комитета комсомола, и именно этим объяснялось неисполнение этого судебного решения в прошлом. Я же, только приступив на ниву законности, решил, что «законы святы» и продолжал требовать его исполнения. Ответа долго ждать не пришлось. В то время формировался Уральский добровольческий танковый корпус. Напомню, время для страны (конец 1942 — начало 1943 гг.) было очень тяжёлым, и любая возможность мобилизовать дополнительные резервы должна была быть использована.

Одной из таких возможностей было соединение танков Т-34, которые производились на Челябинском тракторном заводе с людьми, их выпускавшими, или находящимися в этом регионе. И вот в один из дней этого времени, часов в десять вечера, раздался требовательный стук в дверь дома, где мы жили. Открыв, я увидел двух людей в военной форме, которые попросили меня пройти с ними. Когда я спросил куда, ответом было: «увидишь, тут недалеко». Привели они меня на пункт записи «добровольцев» в этот корпус, и хотя главный на пункте военный сказал, после предъявления паспорта, что мне ещё нет 17 лет, он не может меня взять, комсомольский секретарь спросил меня, хочу ли я защищать родину и, получив мой утвердительный ответ, просто потребовал, чтобы меня включили в список. Ему так хотелось спасти тёткино имущество...

Через несколько дней моему отцу позвонил районный прокурор, он меня видел один раз в суде. Надо сказать, что мой рост тогда был не менее 180 см; это я к тому, что был замечен. Прокурор являлся членом комиссии, которая определяла окончательный список добровольцев, чтобы не попал случайно в танковый корпус криминальный элемент. И он рассказал отцу по телефону, что районный военный комиссар при обсуждении моего заявления удивился, что приняли его от человека, не достигшего 17-летнего возраста, а прокурор, вспомнив мой рост, сказал: «да он в танк не влезет», и меня не приняли. Чем кончился инцидент с родственницей секретаря комсомола, я не помню, а то, что он остался на своём

посту и не вступил в добровольческий корпус, помню хорошо.

В дальнейшей своей работе мне пришлось уделять больше внимания секретарской работе, имевшей весьма ответственный характер. В то время у нас в стране действовал закон, который толковал прогул или опоздание на работу более чем на 20 минут, как уголовное преступление. За эти проступки полагалось наказание в виде исправительно-трудовых работ по месту работы сроком до 4х-6ти месяцев с вычетом из зарплаты до 25 %. При этом указывалось, что дела по этим преступлениям рассматривались судьёй единолично, и вынесенный им приговор обжалованию не подлежал, т. е. должен был исполняться немедленно после его вынесения. А для этого копия приговора должна была быть доставлена в бухгалтерию предприятия, где работал осужденный. Всё это я рассказывал для того, чтобы было понятно дальнейшее.

В участке, который обслуживал наш суд, было 2 городка с градообразующими заводами, одна крупная железнодорожная станция и 4 села, затерянные между гор, можно сказать, забытые Богом, но не колхозным строительством. В каждом был колхоз. Один завод, наиболее крупный, входил в состав наркомата авиационной промышленности, находился в городке, отстоящем от железнодорожной станции на 12 км. Завод, который до войны производил телеги, сани и т. п. транспортное оборудование, к 1943 году насчитывал более тысячи человек работающих, так как на его базе соединили три завода, выпускавших определённые агрегаты, которые отправлялись от-

сюда на самолётостроительные заводы. Эти три завода были перебазированы из Москвы, Ленинграда и с Украины. По моему мнению, перемещение огромного числа промышленных предприятий вместе с рабочими, их семьями, станочным и другим оборудованием из западных регионов страны в восточные за сравнительно короткий промежуток времени, было народным подвигом под стать победам на фронтах войны.

Но вернёмся к суду. Понятно, что из тысячи работников предприятий были случаи таких преступлений, в основном, опозданий на работу. Причём опоздания носили, главным образом, бытовой характер. Пьянства не было. Как я припоминаю, люди опаздывали, возвращаясь со своих участков. Каждому желающему выделяли участок земли для посева картофеля. Участки могли быть довольно далеко от дома. Наш, я помню, был на расстоянии 15 км от дома.

Система наблюдения за опоздавшими была отлажена. За табельщиками следили работники отдела кадров, за ними, в свою очередь, следили работники особых отделов (работники НКВД), кто следил за ними, я не знаю. Система действовала так: табельщики докладывали отделу кадров. Работники отдела кадров писали письма в народный суд с изложением обстоятельств: «..., рабочий ... цеха, 22 декабря опоздал на работу на 24 минуты. Прошу рассмотреть дело об этом преступлении...» и подпись заместителя директора по кадрам. Суд, получив такое обращение (а их каждый день было не одно), обязан был в трёх-

дневный срок его рассмотреть в судебном заседании с вызовом преступника. И вот тут наступал «момент истины» всей этой цепочки делопроизводства. Чтобы вызвать обвиняемого в судебное заседание, нужно было отвлечь его от работы на целую смену (если вызвать в здание суда), или на несколько часов (если суд приедет на место преступления). Так как подобных дел было довольно много, было решено, что правосудие будет совершаться в вечернее и ночное время. Но этим проблемы правосудия не исчерпывались. Ведь нужно было немедленно вручить копию приговора для исполнения. А так как сам приговор должен был написан собственноручно судьёй, и только после этого я, как секретарь суда, мог сделать копию, то, следуя этой технологии, судебное заседание длилось бы многие часы. Ведь дел в иную ночь рассматривалось несколько десятков. Поэтому у нас применялась следующая противоразная, но наиболее экономичная по потере времени, практика.

По получении дела в суд, я заранее писал копии приговора, которого в природе ещё не было. Наказания носили, в основном, трафаретный характер, и я легко, судя по степени вины (30 мин.—1 час—2 часа опозданий), определял сроки (от 4 до 6 мес. И от 15 до 25% от заработка), писал и заверял печатью копию. Судья во время суда, как правило, (я не помню исключений), называл в заседании приговор, и осужденный, потеряв минимум времени, отправлялся на работу или домой спать. Я же после окончания заседания вручал соответствующим работникам предприятий копии приговоров для исполнения. А

судья на другой день в своём кабинете писал собственноручно тексты приговоров. Мне же столько и срочно нужно было писать, что именно тогда я испортил свой почерк, а подпись, которую я впопыхах ставил на многочисленные копии, предопределила её ущербность, которую мне так исправить в жизни и не удалось.

Такая работа продолжалась для меня несколько месяцев, до апреля 1943 года, когда раздался телефонный звонок районного прокурора, и он попросил приехать меня к нему в районный центр. Напомню, что в марте мне уже исполнилось 17 лет. По приезде к нему я выслушал удивительное предложение: «Александр Львович (по-моему, впервые в жизни ко мне обращались таким образом), у нас единственного следователя мобилизовали в армию, и я предлагаю вам занять его место». Я был так поражён, что слово вымолвить не мог. «Что же вы молчите? Ведь вы уже почти полгода работаете в суде. Мы довольны вашей работой, но вам надо расти. С секретарём райкома я уже ваш переход согласовал. До вашего призыва в армию ещё более года, и вы попадаете туда, уже имея какую-то специализацию» — добавил мне прокурор с какой-то долей тепла в голосе. Не согласиться я не мог, хотя совершенно не представлял себе, как это всё будет. «Хорошо, — сказал прокурор, — зайдите к секретарю райкома по кадрам. Он хотел с вами познакомиться», и у меня появилась надежда, что ещё не всё потеряно.

Принят я был доброжелательно, и среди прочих вопросов мне был задан вопрос: «Вы член партии?»

Я отвечаю: «Да как я могу быть членом партии, ведь мне в прошлом месяце исполнилось 17 лет». «Но, конечно, комсомолец?» — продолжал секретарь. Я ответил: «Да, нет». — «А почему»? Я объясняю, когда я мог вступить, если в 1941 году я был вынужден уехать из Харькова, а в 1942 году из Саратова, а здесь у нас в суде нет первичной организации». Про заводского секретаря я промолчал. «Но, наверное, хотите?» — «Ну, конечно» — ответил я. «Ну, я вам помогу». Так мы и расстались.

А через два-три дня вечером стук в дверь, открываю с опаской. Курьер из райкома комсомола: «Получите билет и вот здесь распишитесь». И моя судьба пошла бы этой дорогой, если бы ...

Ох, сколько раз это «если бы» вмешивается в нашу жизнь, круто меняя судьбу в лучшую сторону. В моей жизни так случалось 3 раза. И вот этот случай был первым.

Когда мы, школьные друзья, вынуждены были покинуть родной Харьков, перед разлукой мы сфотографировались и на обратной стороне снимка обещали друг друга поддерживать. Разумеется, тогда, летом 1941 г., мы не предполагали, до чего может дойти наша разбросанность по огромной стране. Один из нас в результате эвакуации с родителями попал в г. Уфу, где и продолжил учёбу в школе. В конце 1942 г. в г. Уфу был перебазирован Рыбинский авиационный институт, получивший прописку в столице Башкирии и новое название — Уфимский авиационный институт. Рыбинские студенты с ним не приехали. В начале 1943 г. институт был, ректор

был, преподаватели были, не было лишь помещения и студентов.

В это время Сталин решил (или был вынужден) ликвидировать Коминтерн (Коммунистический Интернационал), который был эвакуирован из Москвы в Уфу, и здание, которое он занимал, отдали институту. Теперь не хватало только студентов. Срочно была организована приёмная комиссия, и мой одноклассник стал в ней работать.

Выясняя адреса своих школьных друзей (во время войны специально для поиска адресов эвакуированных людей функционировал Всесоюзный адресный центр), он неожиданно узнал мой адрес, который отстоял от Уфы всего на 120 км, и прислал по этому адресу официальный документ (без него нельзя было купить билет на поезд), что я зачислен на подготовительное отделение и вызываюсь для прохождения учёбы. В конверт была вложена записка: «Приезжай хоть повидаться». Я немедленно попросил в суде разрешение на кратковременное отсутствие и отправился в Уфу.

По приезде я сразу попал в свою среду по возрасту и образованию и решил не возвращаться ни в суд, ни в следователи. Ректор института с удовлетворением принял меня на подготовительное отделение, на которое принимались абитуриенты, не имеющие по тем или иным причинам документов о среднем образовании. Ведь желающих поступить на учёбу в авиационный институт было особенно много среди молодых людей из украинских городов, Москвы, осаждённого Ленинграда и других западных регионов, а также уже отвоёвавших фронтовиков. Одни недоучились до

десятого класса, другие потеряли необходимые документы в тяжёлой дороге эвакуации и т. п.

Так как начинающий свою деятельность в Уфе институт был очень заинтересован в наборе студентов на 1 курс (других курсов попросту не было), то на подготовительное отделение брали охотно. Учиться на нём предстояло 5 месяцев, и каждый поступивший мог показать свои знания. Набор же студентов на 1 курс предопределял, по существу, судьбу института, по крайней мере, на пятилетнюю перспективу. Моя кандидатура ректору сразу понравилась, ведь я был уже «опытным человеком», за моими плечами «стоял металлургический завод и народный суд», не чета молодым людям и девицам, которых было большинство, пришедших из дому и школы.

Кроме того, я уже был комсомольцем, в отличие от многих других. Так на время лета 1943 г. я стал помощником ректора на разных участках организационного фронта.

Была ещё одна крупная проблема у института. Не менее половины поступающих не жили в городе Уфе и в случае поступления нуждались в общежитии, которого в институте не было. А необходимо было найти частное жильё примерно на 300-350 человек. Вот эту работу поручили мне — заключить договора с возможными арендодателями комнат, углов и других помещений, пригодных для жилья. Под моим руководством была создана бригада из уже принятых на 1 курс студентов, и мы методично обходили жилые кварталы, прилегающие к месту нахождения института на углу ул. Ленина и Революционной. Адрес я указываю

только для тех возможных читателей, кому эта деталь может быть интересной.

За летние месяцы задача была решена. Институт обладал необходимым количеством жилья, пригодного для расселения набранных студентов. Жилья не везде достаточно комфортного, но за которое платил институт.

Я полагаю, что читателю уже понятно, что никакого конкурса при поступлении не проводилось. Если документы об образовании были в порядке, или вы закончили подготовительное отделение с удовлетворительными отметками, вам гарантировалось зачисление, а при нужде и жильё.

В конце сентября на подготовительном отделении были проведены экзамены. В экзаменах принимали участие работники одной из уфимских школ, которая и оформила в виде выдачи аттестатов знания в объёме средней школы.

Я оказался в числе принятых на 1 курс студентов также как и мой друг, окончивший свою работу в приёмной комиссии. Так как я проявил определённую активность в предучебное время, то меня назначили (кто — сказать не могу), по предложению ректора, комсоргом 1го курса. Из 600 набранных студентов около 100 человек были комсомольцами. Первая половина 1944 г. проходила уже не в отступлениях нашей армии, а, к счастью, начались успешные наступательные операции, в результате которых стали освобождаться от фашистской оккупации западные регионы и города, т. е. родные места значительной части студентов-первокурсников, большинство ко-

торых, в том числе и я, захотели немедленно возвращаться к своему постоянному месту жительства.

Такое явление угрожало существованию института, и ректор, отчаянно защищавший свой контингент, придумал следующую схему. В то время авиационные институты входили в систему прямого подчинения ГУУЗ (Главного управления учебных заведений) наркомата авиационной промышленности и косвенно — методологически и т. п. — относились, как и все Вузы страны, к ВКВШ (Всесоюзному комитету по делам высшей школы). Вот, когда к ректору обращались с просьбой перевода в тот или иной город, ректор требовал у просителя разрешения ГУУЗа, а если такой документ представлялся, то ректор говорил: «Замечательно, но теперь нужно разрешение ВКВШ». Понятно, что оба этих центральных учреждения были в Москве, попасть же в Москву в годы войны было совсем непросто. Нужно было приглашение на уровне Правительства (именно таким образом оформлялись вызов или разрешение).

Поэтому студентам, находящимся в Уфе, было почти нереальным получение подобных разрешений. Тем более, у кого было разрешение ГУУЗа, с того требовали разрешение ВКВШ, и наоборот. Бросить институт самовольно было невозможно, в нём хранились аттестаты, а для молодых людей дело усугублялось ещё необходимостью сняться с воинского учёта, что без согласия института было также невозможно.

До рассказа о том, каким образом мне удалось преодолеть эту трудность, я должен описать окончание своей комсомольской карьеры. Весной 1944

года, очевидно, в мае, потому что я ходил в военной гимнастёрке (очень многие мужчины и женщины носили тогда эту удобную и недорогую по понятным причинам одежду), со мной случилось исключительно неприятное происшествие. Я поехал в трамвае; в ту пору трамваев было мало, ходили они редко, вагоны были, естественно, старого образца с открытыми подножками. Мне для того, чтобы проехать одну остановку, пришлось схватиться за поручни, и вот, стоя одной ногой на подножке (народу было много), я висел крайним на последней подножке, держась широко раздвинутыми руками за поручни.

Как только трамвай тронулся, я почувствовал, а, посмотрев, и увидел, что в один из карманов моей гимнастёрки (как сейчас помню, в левый) лезет вор-карманник. Какие документы (а без документов ходить по городу было нельзя) были у меня в том или ином кармане, я не помнил. Увидел я лишь то, что карман, подвергшийся грабежу на моих глазах, был более пухлым. Сделать я ничего не мог, потому что, если бы отпустил хоть одну руку от поручня, я бы немедленно упал плашмя на булыжную мостовую. Когда трамвай подходил к остановке, почти затормозив, вор оттолкнул меня и ещё двух висевших на подножке и бросился бежать. Пока я поднимался с мостовой, его и след простыл. Обшарив свои карманы, я понял, что в левом, более пухлом кармане находилась небольшая сумма ассигнаций и комсомольский билет, а в другом, не таком пухлом — паспорт и приписное свидетельство к военкомату. Всё это происходило на улице, близкой к институту. Я бросился туда к секре-

тарю парткома или партбюро (не помню) и рассказал о случившемся. Напоминаю, я был комсомольским организатором 1 курса, т. е. фактически всего института, был на хорошем счету у всего начальства, и партийный секретарь начал меня успокаивать. Мол, с кем не случается. Он поговорит в райкоме комсомола, а в институте придётся проводить собрание.

Через некоторое время провели собрание комсомольцев (выбранного бюро комсомола ещё не было) и, дружно посочувствовав, мне объявили выговор, который подлежал утверждению в райкоме комсомола.

Заседание райкома комсомола началось без председательствующего первого секретаря. Участники обсуждения не были агрессивны, часть соглашалась с решением собрания, а другая часть предлагала строгий выговор, хотя, честно говоря, и по сей день не понимаю своей вины. Но тут пришёл первый секретарь; хмуро посмотрев на меня, он спросил, видимо, дежурной фразой: «Что тебе говорили, когда вручали комсомольский билет?». И тут я вспомнил слово «распишитесь» и все обстоятельства моего вступления. Но благоразумно ответил: «Храни, как зеницу ока», догадавшись, что от меня требуется. «А ты не сумел сохранить!». Я в пятый раз стал объясняться, что «так случилось, я ничего не мог сделать, чтобы его отнять у вора». Он мне в ответ, видимо учуяв мою непокорность: «А паспорт и военный билет ты сумел сохранить?». Я разъяснил, что они случайно были в другом кармане, а вместе с комсомольским билетом в кармане были деньги, которые, очевидно, и привлекли внимание вора. Тон моего ответа ему не

понравился, и он воскликнул: «Да для тебя деньги и комсомольский билет ценности одного рода. Небось, воинский документ с отсрочкой от призыва (с 1944 года студенты, главным образом оборонных вузов, освобождались от призыва осени 1944 года) ты берёг как зеницу ока, а не комсомольский билет!» Сказать, что поведение секретаря мне не понравилось, это всё равно, что ничего не сказать, и я ответил ему довольно резко. Тут же последовало его предложение: «исключить его из комсомола»; голосование, несмотря на предыдущее обсуждение, было единогласным. Я вышел, едва не хлопнув дверьми, и отправился в институт, доложив ректору и секретарю парткома о достигнутом результате. Они сказали, что вмешаются и постараются исправить ситуацию.

Но уже наступило лето, и моя голова после сдачи весенней сессии была занята только одним — как вернуться в Харьков? В первую очередь, как туда поехать и посмотреть, что с городом и с нашим бывшим жильём. Родители мне сказали, что они возвращаться не хотят — им не под силу начинать новую жизнь.

Итак, я начал думать, как попасть в Харьков; этот город почти год, как освобождён от фашистской оккупации, но просто проехать туда без специального пропуска или командировки было невозможно.

Вот тут и появилась идея, как это сделать. Дело в том, что летом 1944 года у института опять возникла проблема, как набрать студентов на 1 курс, желательно из жителей близлежащих регионов страны, и я предложил, чтобы меня послали с этой целью в Че-

лябинск, область которого соседствовала с Башкирией. Денег на оплату командировки я не получал, все знали, что в Челябинской области живут мои родители, и командировку считали, как своеобразное поощрение. Когда же мне напечатали командировочное удостоверение, где было сказано, что командируюсь в Челябинск с целью проведения набора студентов, я попросил, после подписи руководством удостоверения, машинистку на той же машинке допечатать в графе «куда» — «в г. Челябинск и г. Харьков». Абсурдность этой записи впоследствии не выявилась при многочисленных проверках. Никому не пришло в голову — зачем ехать на Украину набирать студентов в Башкирию, тем более что в Харькове находился свой авиационный институт, также остро нуждавшийся в наборе студентов.

Тем не менее, командировка удалась, в Челябинском отделе народного образования мне поставили отметку о прибытии и убытии из города, после чего я купил билет в Харьков, куда следовало ехать с пересадкой в г. Пенза. Описание этой поездки могло бы составить содержание отдельного рассказа, чего делать сейчас я не буду.

Приехав спустя двое суток в Харьков, я увидел полуразрушенный город, наша комната стояла пустая, в полном смысле этого слова, но открытая. Заходи и вселяйся (наверное, я не выяснял). Остановился я у наших друзей, четы украинских адвокатов, которые не захотели уезжать в эвакуацию под девизом: «хучь гирше, та инше», так по-украински звучит «лучше, но другое». Они остались живы, и, кажется,

здоровы, сохранили книги, которые им оставила моя тётка, кажется, среди них были 20 томов классиков издания Брокгауза и Ефрона (знаменитая двадцатка: 6 — Пушкина, 5 — Шекспира, 4 — Шиллера, 3 — Байрона, 2 — Мольера). Мне их не отдали, говоря: «что я с ними сделаю? Вот приедет тётка, тогда посмотрим».

Пользуясь тем, что город был ещё полупустой, а институтов много, я поступил и получил справки, что принят в авиационный институт на 2 курс, и в юридический — на первый.

Но самое яркое впечатление от посещения Харькова в тот раз у меня осталось от базара. Там в несколько рядов, пользуясь отсутствием ещё крепкой советской власти, развилась частная торговля обедами. Обеды у всех торгующих были одинаковые, цена одинаковая, конкурентность царила только в качестве еды и степени обслуживания. В этом мне пришлось убедиться, когда я первый раз пришёл на базар пообедать. За 10 рублей (баснословно дёшево для жителя Урала) тебе давали большую тарелку украинского борща, (я не видел такого три года!), две котлеты с картофельным пюре, и когда я это съел с большим удовольствием и стал уходить, тётка, которая торговала обедами, выбежала из-за стойки с криком: «... а компот?» В эту минуту я подумал о пользе частного предпринимательства, а спустя много лет услышал почти такой же возглас в кинофильме «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Только в кинофильме у актёра Смирнова слышался требовательный акцент, а у тётки в Харькове — просительный,

хотя многие интонации совпадали. Я несколько дней ходил под впечатлением стакана вишнёвого компота, столь непривычным образом мною полученным. Естественно, когда я ещё несколько раз ходил на базар обедать, мне выбирать другого продавца не хотелось.

Вернувшись из полуразрушенного Харькова в Уфу, я и ещё один харьковчанин стали думать, как же нам получить разрешения на перевод в харьковский институт в московских организациях ГУУЗе и ВКВШ.

Путь был единственным — нужно было ехать в Москву, но каким образом, где раздобыть необходимые документы? Опыт, полученный при поездке в Харьков, помог нам в решении этой задачи. Мы достали бланки командировочных удостоверений, напечатали на пишущей машинке профкома института (у меня были хорошие связи в этом профсоюзном органе) командировки в г. Калинин и г. Рыбинск за оставшимся имуществом института и поставили печать профкома, в которой было написано: «Уфимский авиационный институт. Профком», а вместо очевидного герба на печати стоял силуэт самолёта. Расчёт был таким, если нам в Уфе продадут билеты на поезд, то проехать в г. Калинин (ныне Тверь) можно только через Москву или Ленинград, недавно освобождённый от блокады. Ясно, что дорога одна — через Москву, а Рыбинск мы приписали для прикрытия операции, на всякий случай. Как это не покажется странным, наша уловка удалась. Нам продали билеты в г. Калинин через Москву, и мы отправились в путь, который в то время продолжался около 3х суток.

Наш поезд прибыл в Москву на Казанский вокзал в 5 часов утра, так как время было военным, то в Москве действовал комендантский час, выходить на улицы города можно было только с 6 часов утра, и метро также начинало работать в это время. Поэтому прибывающих ночными поездами пассажиров из стен вокзала не выпускали, и к 6 часам на вокзале протолкнуться уже было нельзя. В 6 часов начали выпускать приезжих. У каждой двери вокзала стояли военные и придирчиво проверяли у всех документы. Паспорт и военные документы у мужчин проверялись особенно тщательно, а разрешительные документы на въезд в Москву, видимо, менее внимательно. Я хорошо помню (мне пришлось выходить из двери вокзала, стоящей как раз напротив Ленинградского вокзала, но я этого ничего не знал, я первый раз в жизни ступал на московскую землю), как военный проверяющий посмотрел на командировочное удостоверение с самолётиком (так мы между собой его называли), нахмурился, видимо, не зная, как реагировать, потом прочитал, что нам не в Москву, а в Калинин, облегчённо вздохнул и сказал: «Вам нужно перейти эту Комсомольскую площадь и, видите, вот, напротив вокзал, с которого вы должны ехать дальше». Я при этом так перепугался, я подумал, что нас сейчас отведут на этот вокзал и заставят уехать из Москвы. Но этого не произошло. Откозыряв, он отпустил нас восвояси.

Мы первым делом побежали в метро уехать подалее от этой площади, я даже не успел заметить, что на ней находится и третий вокзал — Ярославский.

У меня было несколько адресов, где я надеялся получить временное пристанище. Один, отдалённо родственник, в районе Арбата. Туда я и направился. Выйдя из вестибюля Арбатской станции, я сразу был очарован открывшимся передо мною видом. Было раннее утро солнечного августовского дня. Дома на площади Арбатских ворот (как я потом узнал, она называлась), мне показались такими милыми и какими-то очень русскими (особенно после Уфы и полуразрушенного Харькова), в общем, эту минуту знакомства с Москвой я отношу к лучшим минутам своей жизни. В поисках жилища родственников мне пришлось пройти весь Арбат. Читатель, который ещё не сделал этого в жизни, меня не поймёт; да и таким образом пройти старый Арбат, который ещё не назывался старым, когда ещё не было нового, уже невозможно, должен поверить мне, что это было великолепной зрелищной прогулкой. Через несколько десятков лет Булат Окуджава увековечил в своих песнях образ Арбата первой половины XX века.

За несколько дней пребывания в Москве я довольно легко получил необходимые разрешения, за которыми, собственно, я и приезжал, и перед тем, как проститься с очаровавшей меня Москвой, я задумался. «А что я забыл в Харькове, ведь я могу учиться и в Москве!» — эта мысль, внезапно пришедшая в мою голову, меня просто ошеломила. И я начал действовать. Прежде всего, отправился в Московский авиационный институт. «Приём окончен, лимит на временную прописку исчерпан», — был мне ответ. Такая же ситуация повторилась в институте стали и

сплавов, и ещё в некоторых, которые казались мне достойными. В глубоких размышлениях, как действовать дальше, я проходил по Садово-Самотечной улице, направляясь в Большой Сухаревский переулок, где жили хорошо знакомые мне по Уфе люди. Вдруг я вижу вывеску: «Московский автомобильно-дорожный институт». «Зайду на всякий случай», — подумал я и зашёл в приёмную комиссию, предъявил документы, в то время зачётных книжек не было (не по идеологии, а по бедности) их заменяли так называемые «матрикулы», выдаваемые студентам перед сессией. Это был листок с напечатанным перечнем предметов, по которым предстояли экзамены и зачёты. После сданного экзамена преподаватели в соответствующей строке ставили оценки. У меня с собой были два таких документа за 1ю и 2ю сессии первого курса. Оценки приёмную комиссию устроили, когда же я спросил, есть ли у них общежитие и лимит на временную прописку, то принимавшая меня дама из приёмной комиссии только улыбнулась и спросила, — не заметил ли я на доске с названием института, — к какому ведомству он принадлежит, — и подтвердила, что у них проблем с пропиской нет. Я сдал документы, оставил свой уфимский адрес (Уфа, Главпочтамт, до востребования) и вышел из здания на улицу. На вывеске института я прочитал, что он входит в систему Наркомата внутренних дел. Я немного поёжился — это ведомство не было особо популярным у народа в сталинское время.

Вернувшись в Уфу, — это было уже начало сентября, а занятия, по-моему, во всех вузах страны начина-

лись 1 октября,— т. е. времени для оформления отъездных документов было очень мало. Так или иначе, ректора института обойти было невозможно, про автомобильно-дорожный институт и речи быть не могло. Я понимал, что добиться свободы я могу лишь на nive возврата в Харьков, в авиационный институт. Хорошо зная отказную систему ректора, я положил разрешения ГУУЗа в один карман, а ВКВШ — в другой и пошёл на приём. Первые слова, которые я услышал, был вопрос — получил ли уже новый комсомольский билет, мой вопрос улажен на достаточно высоком уровне, и прежнее решение райкома об исключении изменено на строгий выговор с предупреждением. Я ответил, что немедленно пойду, но у меня есть просьба. «Какая?» — «Я хочу перевестись в Харьковский авиационный институт, в этом городе мой дом». Он отвечает, что нет проблемы; как только я получу разрешение ГУУЗа, то, пожалуйста. Тогда я вынимаю из кармана такое разрешение со словами: «Ах, я забыл его предъявить». Он взял бумагу и руки, некоторое время молчал, а потом сказал: «Это прекрасно, теперь нужно разрешение ВКВШ, и всё будет в порядке». И тут я по молодости лет слупил, немедленно вынув такое разрешение из другого кармана. Поняв, что он попался на мои уловки, ректор сильно разозлился и сказал: «Оставь документы и зайди через несколько дней». Теперь я уже понял, что проиграл, отдав ему в руки одновременно эти два документа.

Попав в стены института, борясь за свой переезд в Харьков, у меня выпала из головы ситуация с Московским институтом. Поэтому, когда 10 сентября

(помню эту дату точно потому, что я шёл и слушал по уличному радио что наши войска вошли в Болгарию, и царь оттуда сбежал, или его отправили из страны), я подошёл к почтамту и в окошке «до востребования» получил телеграмму под грифом «Правительственная», в которой было сказано, что я принят на 2й курс МАДИ (так сокращённо назывался институт), и мне надлежит не позднее 1 октября прибыть в г. Москву на занятия, я был немало потрясён.

Этот документ давал мне все возможности уехать из Уфы. Но при этом нужно было сменить будущую специальность и расстаться с родным городом. «Париж стоит бедни» — вспомнил я слова французского короля Генриха IV, который, чтобы войти в Париж, не колеблясь, сменил протестантство на католичество, и пошёл оформлять документы. При этом институт и его ректор уже были мне не нужны, а в райком комсомола за новым билетом я не пошёл. После истории моей комсомольской карьеры я твёрдо решил не вступать ни в какие партии и организации, деятельность которых связана с пресловутым принципом «демократического централизма».

В Москве меня прописали в общежитии института, но жить я стал в Большом Сухаревском переулке у знакомых мне людей. Это было очень удобно. Для посещения занятий не требовался общественный транспорт. По дороге в институт находился Центральный рынок, на котором я купил впервые за послевоенные годы книгу. Так я попал в Москву, на автомобильный транспорт, с развитием которого в Москве связана вся моя последующая жизнь. А то, что в моей кни-

гособирательской деятельности был более чем трёхгодовой перерыв, объясняется обстоятельствами, сложившимися в стране и моей жизни в период июня 1941 — октября 1944 годов.

Может быть, стоит ещё добавить, что история с моим расставанием с Уфимским авиационным институтом и его ректором имеет некоторое продолжение. По рассказам моих бывших однокурсников, он, узнав, что я, по существу, сбежал из института; и единственное место, где он мог узнать, в каком направлении я сбежал, это был военкомат. По его поручению работники соответствующих служб выяснили это достаточно просто. В военкомате сказали: «...сняли с учёта в связи с переездом в Москву». Большого они не знали, потому что им было всё равно. Перед ними была Правительственная телеграмма, что я вызываюсь в Москву, что они и отметили в своих документах. Искал ли ректор меня через райком комсомола — я не знаю.

Но это ещё не конец нашему знакомству. В середине пятидесятых годов я уже бывал по роду своей работы в Кремле, в Управлении делами Совета Министров СССР. Как-то раз, подходя к бюро пропусков у Спасской башни, я неожиданно встретил своего уфимского ректора. Мы узнали друг друга. После его разъяснения, что он тут работает, последовал вопрос: «А что делаешь ты?» Я ещё немножко побаивался его действий, хоть и лет после нашей последней встречи прошло немало. Но сказал, где я работаю, и что здесь делаю. Он зла не помнил, сказав, что он работает главным специалистом в области дел по выше-

му образованию в Совете Министров СССР. Я знал, что означает эта должность, какие у него права и обязанности и подумал: «Какие же у него могли быть достоинства, что из нескольких сотен ректоров Вузоз огромной страны этот пост достался ему?», наверное, одних достоинств для этого было мало. Нужно было что-то ещё.

В дальнейшем мы ещё несколько раз с ним встречались и, видимо, давно прошедшие общие воспоминания обеспечивали нам взаимный интерес. Потерял я его из виду только в конце пятидесятых.

Все обстоятельства моей жизни в 1941-1944 годах не способствовали продолжению моей книгособирательской деятельности. Потеряв всё собранное в 1941 году из-за отъезда из Харькова, у меня не было ни малейшей возможности приобретать книги. Да, мне казалось, что книги вообще в этот тяжелейший период для жизни страны не выпускались. Но в действительности оказалось не так. В последующие годы, когда я вернулся на путь собирательства, мне встретилось несколько интересных изданий военного времени, которые по сей день хранятся в моём собрании.

В годы войны видный писатель советского времени Илья Григорьевич Эренбург работал в красноармейской газете «Красная звезда», выпуская почти в каждом её номере пламенные статьи, сыгравшие огромную роль в психологии рядовых и офицеров наших армий. Они разжигали в их сердцах ненависть к обнаглевшему врагу — фашисту-оккупанту. Достаточно вспомнить названия некоторых из них: «Убий фрица», «Палач в истерике» и т. п....

Тагил. Но опять удивительный случай. Ещё до стадии дипломного проектирования я был направлен на преддипломную практику в управление автогрузового транспорта Моссовета. В этом управлении мне назначили руководителем практики от производства (так называлась эта оплачиваемая государством работа) видного и опытного специалиста П. П. Стриженова.

Именно он в период прохождения практики предложил мне тему дипломного проекта, который, будучи выполненным, заинтересовал работников этого учреждения. Когда же, через несколько дней после защиты дипломного проекта, я зашёл проститься с людьми, среди которых я проходил практику и писал дипломный проект, я совершенно неожиданно услышал от руководителя практики вопрос: «Не захочу ли я остаться у них работать»? Я и сейчас, спустя 55 лет, не могу определить, какое чувство я испытал при этом. Ведь я уже находился в распоряжении Министерства автомобильного транспорта России, в состав которого московское управление не входило. Я и представить себе не мог, как такое предложение может быть реализовано. Понятно, согласие я выразил немедленно. Мне сказали, что они попробуют что-нибудь сделать, чтобы я пришёл через 2-3 дня. Через 2 дня мне вручили на руки маленькое письмо, в нескольких строках которого было сказано, что управление автогрузового транспорта Моссовета просит направить в его распоряжение такого-то выпускника института. И всё. И подпись начальника этого управления, который подписал письмо, никогда меня не

видя, т. е. полностью доверившись работникам, подготовившим запрос.

Взяв в руки письмо, не питая при этом к нему никакого уважения и надежды на благополучный исход, я отправился на приём к заместителю министра по кадрам, который, к моему удивлению, меня принял и, ознакомившись со мной и зачётной книжкой, сказал, чтобы я пришёл через 2 дня. Когда я пришёл за ответом, то я получил его из рук секретаря в виде направления на работу в Москву. Я не верил своим глазам и свалившемуся на меня счастью. Потом мне объяснили, что начальник, подписавший этот запрос, пользуется особым уважением среди московского и российского руководства (напоминаю, в то время было ещё и союзное руководство). Что это уважение было заслуженным, я убедился за все 34 года последующей работы с ним.

Московское начало

В 1944 году я поступил в Московский автомобильно-дорожный институт. Он находился тогда на Садово-Самотечной улице, недалеко от Центрального рынка на Цветном бульваре. Для меня это было известное удобство, так как жил я в Большом Сухаревском переулке и дважды в день проходил мимо этого бурлящего места. Хотя рынок формально был продуктовым, купить и продать на нём можно было всё, что угодно.

В 1944 году наши армии переступили, наконец, государственную границу страны, и в тыловые районы